

Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд)

А.В. Торкунов

Русь, Россия, русский народ, россияне. Эти слова известны всем образованным людям современного мира. В XIII в. эти слова стали символами страны, спасшей Европу от татаро-монгольского нашествия. В начале XIX века Россия встала на пути претендовавшего на мировое господство Наполеона и разгромила его «армию двенадцати языков». В 1940-е годы Россия вместе со свободолюбивыми народами других стран сокрушила фашизм, угрожавший всем им порабощением, разрушением цивилизационных основ жизни человечества.

Русский народ, россияне создали самое обширное в мире могучее многонациональное государство, продвигаясь от Киевской и Новгородской Руси к Московскому царству и Петербургской империи. Процесс формирования российской государственности и определения ее места в международных отношениях был сложным, трудным и противоречивым. По подсчетам Василия Осиповича Ключевского в период с 1182 по 1362 гг. великорусская народность вынесла более 160 внешних войн. Это продолжалось и позже. В XVI в. Москва почти постоянно (43 года) воевала против Речи Посполитой, Ливонского Ордена и Швеции, ни на один год не прерывая борьбы с противниками на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII в. еще больше – 56 лет.

С этой точки зрения интересны суждения о становлении российской государственности нероссийского автора, английского драматурга с российскими корнями Питера Устинова. В книге «Моя Россия» он отмечал: «Россия всегда проявляла величайшую озабоченность своей безопасностью, и на это у нее были (и есть) самые серьезные причины, основанные на горьком опыте. Людских и материальных потерь на своей собственной земле она понесла гораздо больше, чем на территории других стран. Исторически Россия никогда не была империалистической державой: не в ее привычках было приходить в другие страны с целью их завоевания. На русских же нападали и нападали часто и облагали их данью (еще до татарского нашествия) скифы, готы, гунны, хазары, сарматы».

Действительно, у России – трудная судьба. В ее истории случались блестящие взлеты и трагические падения, величайшие достижения и «смутные времена», когда казалось, что страна уже не выберется из руин, но каждый раз у русского народа хватало сил, мужества и мудрости, чтобы преодолеть злоключения и идти вперед. Именно уроки отечественной истории лежат в основе народного патриотизма и любви к Отчизне. Как справедливо писал Виссарион Григорьевич Белинский, «мы вопрошаем и до-

■ 2012 – Год российской истории

прашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Территориально Россия – огромная часть Евразийского материка. В ее истории сплелись европейские и азиатские тенденции развития всемирной истории. Россия вбирала исторический опыт Востока и Запада, переплавляя его в собственную стратегию исторического бытия, вливавшуюся в динамику глобальной истории, а на определенных ее этапах – даже формировавших ее направляющие векторы. И, конечно же, история российской государственности не может рассматриваться в отрыве от места страны в системе международных отношений, в последовательно сменявших друг друга порядках – от до-Вестфальского до Ялтинско–Потсдамского и современного – постбиополярного мира.

При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка. При этом важно не просто сопоставление отдельных элементов организации государственности, которые в нашем случае могут многим казаться исключительными, но выявление стратегических параллелей в историческом развитии, анализ тех периодов, где эти параллели прерываются. Такой подход имеет важное методологическое значение – формируется системный взгляд на мир, преодолевается исторический эгоцентризм. Как следствие, представление о собственной стране, ее интересах и глобальных целях становится более адекватным.

Прочерчивание исторических параллелей применительно к международному позиционированию России демонстрирует несколько моделей включенности нашей страны в окружающий мир. До-Вестфальский период истории международных отношений (до середины XVII в.), в историографии структурирован не самым лучшим образом. А его понимание многими политологами как нечто однозначно иное по отношению к порядку «длинного Вестфалья» (от середины XVII до конца XX вв.) еще больше смазывает восприятие. Вместе с тем «до-Вестфаль» применительно к российскому государству показал способность нашей страны следовать двум, в дальнейшем попеременно реплицировавшимся моделям: влиятельного государства, органично включенного в европейскую среду со всеми ее издержками и преимуществами, и державы, связанной с европейским миром, но самостоятельной в своем международном поведении.

Первая модель была характерна для древнерусского государства киевского периода. Феодальная раздробленность доордынского периода однозначно демонстрировала не просто

схожесть, но и соучастие в процессах, характерных для всей Восточной, Центральной и Западной Европы. Мировоззренческий «зонтик» восточного христианства, сплавившая духовное измерение русского пространства, тем не менее не отгораживал его от соседних ареалов. Полное взаимопроникновение осуществлялось как через общую материально-хозяйственную культуру, военные столкновения, так и через постоянно расширявшуюся сеть династических связей.

С другой стороны, специфика внешней (южной и восточной) границы формировала в русском пространстве элементы, характерные для всех крупных европейских стран, граничащих с внешним инокультурным, иноязычным миром. Пределы инкорпорации внешнего влияния со стороны неевропейского мира для русской среды были субъективно понятны. Равно как понятны они были когда-то для Римской империи или Византии. Эти пределы в значительной степени были соблюдены в татаро-монгольский период, а внешнеполитическая идентичность в виде уже Московской Руси приобрела новые неевропейские (точнее, дополнительные к европейским) измерения.

Парадоксальным образом, но именно Московское государство ломало европоцентричную ограниченность тогдашней международной системы. При Иване IV однозначной становится функция России как страны, соединяющей (насколько позволяли тогдашние пути и средства коммуникации) Европу с Сибирью и Средней Азией, создающего дополнительные связи с Персией, Турцией и ее вассальными народами. При этом плотность отношений Московской Руси на европейском фланге, в том числе конфликтная (шведская война, походы в Молдавию и Валахию, польско-литовская интервенция), ничуть не уступала плотности периода Киевской Руси. Самодостаточность православия при этом позволяла дистанцироваться от явно устаревшей системы религиозного квази-единства католической Европы.

К правлению Алексея Михайловича черты Русского государства, как зрелой европейской (по своим корневым признакам), но превосшедшей европейские пределы в своих внешнеполитических задачах страны, полностью сформировались. Сложилась современная и передовая по степени суверенитета государственность. В этом смысле мировоззренческий, формационный (если угодно) Вестфаль наступил для России несколько раньше, чем для европейских государств. Именно поэтому ни в русской исторической мысли, ни в историографии России, казалось бы рубежному событию – Вестфальскому миру – никогда не уделялось столь значительного места, как в историографии европейской политики. Россия пришла к формационному Вестфалю синхронно с Европой, но в силу несколько иной комбинации факторов и событий. При этом наша страна оказалась абсолютно готовой играть по правилам новой системы.

Вестфальская система в ее историческом измерении была системой гибкой, с огромными возможностями для изменения места и роли того или иного государства в случае консолидации его потенциала и национального суверенитета. Поэтому в этой системе нельзя выделить одного или двух однозначных лидеров. «Полюса» этой системы чередовались, структура системы постоянно менялась, что обеспечило ей исторически временную устойчивость. Очевидно, что петровские реформы сделали Россию одним из полюсов Вестфальской системы. Вестфаль, родившись как система европейская, начал достаточно быстро европейские рамки преодолевать. Это было и чисто географическое преодоление, связанное с феноменом колониализма, и преодоление естественное, которое обеспечивалось в значительной степени за счет России.

На всем протяжении XVII–XVIII вв. именно Россия «втягивала» восточные вопросы в европейскую политику. Это втягивание диктовалось не просто экономическими интересами, что делали и Франция, и Великобритания, но объективностью вовлеченности Москвы как в европейские дела, так и в решение задач обеспечения своих интересов в Причерноморье, на Каспии, в Сибири. Даже сугубо с количественной точки зрения половина объема интеракций европейских государств с Османской империей в период XVIII в. были связаны с русским фактором. Другим значительным элементом отношений Европы и Порты был балканский фактор, но уже к рубежу XVII–XVIII столетий он фактически сливается в единый смысловой блок с русскими сюжетами.

Вестфальская система обладала одним замечательным свойством – ни одно государство этой системы не имело в своем арсенале внешнеполитических ресурсов эксклюзивно-инструментального идеологического или духовно-религиозного свойства. Именно поэтому ее начинает разрушать революционная Франция, вдруг обретшая этот специфический элемент внешнеполитического влияния, а отчасти – и внешнеполитической притягательности. Борьба с наполеоновской Францией, Венский конгресс в значительной степени строились на идее поиска идеологического «противоядия» революционным настроениям.

Универсального средства, как мы знаем, найдено не было, но в процессе его поиска прежде всего у России сформировалось представление о предельной важности духовно-идеологических основ и даже инструментария внешней политики. Именно с опорой на православно-христианские ориентиры Россия консолидирует свое восточноевропейское порубежье, осуществляет продвижение на Кавказ, на Балканы, укрепляет влияние среди коренного населения Прибалтики. Духовно-идеологический элемент становится частью глобальной (по тогдашним меркам) политики, наиболее ярким

его проявлением стало установление приоритетного влияния России над святыми местами в Палестине. Обладание пусть не столь наступательным, как революционная идеология, но все же эксклюзивным инструментарием, в сочетании с институциональными преимуществами страны-учредителя Венской системы делает Россию одним из лидеров «европейского концерта».

Однако со второй половины XIX в. калейдоскопичность смены ролей и партий в этом «концерте» стала нарастать, а Венские установления стремительно размывались. Одним из наиболее очевидных проявлений этого стала так называемая «крымская система» – результат поражения России в Крымской войне. Более того, старая Европа, в том числе и Россия, не сумели разглядеть рост значения азиатских соседей. Дальневосточная нестабильность вносила все больший разлад в европейские дела, обостряла казалось бы привычные европейские противоречия и неумолимо вела к вооруженным катаклизмам.

Сформированная по итогам Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система, с точки зрения позиционирования нашей страны, удивительным образом сочетала в себе черты Вестфальской и Венской систем. С одной стороны, Советская Россия была вне формальных послевоенных договоренностей, с другой, как и в начале XIX в., именно события, связанные с Россией, определили коренные изменения европейского ландшафта.

Новая советская власть получила в свои руки уникальный идеологический ресурс в виде тогда еще не запятнанной кровью фантастически привлекательной коммунистической идеологии. С точки зрения же тактики и оперативных направлений молодая советская страна шла путями, проторенными Петром Первым. В силу экономической слабости, проблем с политической легитимностью, необходимостью или снизить, или направить в позитивное для себя русло конфликтность, Советская Россия в первые годы своего существования максимально сосредотачивается на Восточной Европе, Прибалтике, Турции, Иране, стабилизации Средней Азии и отрыве ее от Южно-азиатского узла.

Однако уже в первой половине 1930-х гг. в политике СССР все больше заметна склонность к формированию европейского концерта по примеру Венской системы. При этом снова воспроизводится ситуация недостаточности внешнеполитических ресурсов для содержательной активности на дальневосточном фланге. Многовекторность и изменчивость внешней политики СССР, обусловленные как объективными, так и личностными факторами, дают в межвоенный период возможность для уникального тренинга – формулирования и артикулирования реальных или мнимых интересов страны по всему периметру границ и по всем функциональным направлениям.

■ 2012 – Год российской истории

Трагедия Второй мировой войны, Победа и более чем сорокалетний дуумвират в мировой политике сформировали в российском внешнеполитическом мышлении уникальнейший феномен международной ответственности. Отрешаясь от всех негативных черт Ялтинско-Потсдамской системы, именно этот феномен можно полагать главным достижением нашей страны в послевоенном мире.

Ощущение же международной ответственности, привитое Ялтинско-Потсдамской системой, пока остается, и оно может быть конвертировано в позитивное русло многостороннего регулирования, обеспечения международной безопасности, создания устойчивых политико-экономических режимов соработности с соседними государствами.

Современная научно-технологическая революция и глобализация, а вернее их социальные последствия оказывают противоречивое воздействие на международно-политическую среду, усиливая в ней моменты турбулентности. В международных отношениях и мировой политике стали меняться соотношения использования инструментов «hard power», «soft power» и их синтеза – «smart power». И в этом контексте уникальная русская цивилизация и ее потенциал могут быть важными системообразующими и позитивными факторами современных международных отношений, особенно на фоне тенденций их идеологической и конфессиональной радикализации.

И еще об одном. Россия – «срединный континент» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» – Европой), «сухопутный океан», пространство российской цивилизации, в отечественной литературе называемое Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса. Отсутствие природных границ на территории Евразии – естественная причина, исторически провоцировавшая населяющие ее народы к объединению всех ее территорий, инициировавшегося как с Востока, так и с Запада. Во взаимодействии евразийских народов на протяжении всей их истории прослеживается одна и та же закономерность: пульсирующее чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства – единой государственности и системы государств. После разрушения СССР медленно, но устойчиво возрождается к жизни исторический евразийский императив: необходимость интеграции, взаимодействия народов, связанных культурно-историческими, цивилизационными связями, но уже на новой политической, экономической, социально-культурной основе.

Torkunov A.V. Russia in the System of International Relations (Retrospective View).